

Литрес ≡ Классика

Виктор Гюго

ТРУЖЕНИКИ МОРЯ

Виктор Мари Гюго
Труженники моря

«ЛитРес»

1866

Гюго В.

Труженники моря / В. Гюго — «ЛитРес», 1866

На уединённом острове Гернсей живёт честный и мужественный рыбак Жильят, отвергнутый обществом и прозванный колдуном. Ради любви к прекрасной Дерюшетте он решается на невероятный подвиг: в одиночку спасти пароход, севший на скалы в открытом море. Роман сочетает драматическую историю человека и морской стихии, гимн труду и силе человеческого духа, а также размышления о любви, самопожертвовании и одиночестве.

© Гюго В., 1866

© ЛитРес, 1866

Содержание

Часть первая	6
I	7
II	9
III	11
IV	13
V	17
VI	19
VII	22
VIII	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Виктор Гюго

Труженники моря, приспособленный для детей М. Стебницким

Посвящаю эту книгу свободной, гостеприимной скале, клочку древней Нормандской земли, где живет горсть честного приморского народа, суровому и приветливому острову Гернсею, моему убежищу теперь, – и, вероятно, моей гробнице

Виктор Гюго

Серия «Литрес Классика»

© «Литрес», 2026

Часть первая

Религия, общество, природа – вот три источника борьбы человека. Эти три борьбы в то же время и три его потребности; надобно верить, отсюда храм; надобно созидать, отсюда город; надобно жить, отсюда плуг и корабль. Но в этих трех потребностях и три рода войны. Из совокупности всех трех истекает загадочная, таинственная трудность жизни. Человек сталкивается с препятствием в виде суеверия, в виде предрассудка и в виде стихии. Троякий рок тяготеет над нами: рок догматов, рок законов, рок внешних предметов. В «Notre-Dame de Paris»¹ автор изобличил роковую силу догматов; в «Misérables»² он указал на роковую силу законов; в этой книге он выставит роковую силу внешних предметов, обстановки.

К этим трем неизбежностям, окружающим человека, примешивается внутренняя неизбежность – верховный рок, человеческое сердце.

Хотвиль-Гоус, марта 1866

¹ «Собор Парижской богородицы» (франц.).

² «Отверженные» (франц.)

I

Рождество 182* было очень замечательно на Гернсее. В этот день шел снег. На островах Ламанша мороз составляет редкое событие, снег – удивительное.

Утром этого Рождества дорога вдоль моря от порта Святого Петра к Валлю была совершенно бела. Снег шел от полуночи до рассвета. Около девяти часов, немного после восхода солнца, когда англиканам еще рано было идти в Сампсоньевскую церковь, а веслеянкам в Ельдадскую капеллу, – дорога была почти пуста. На всем протяжении ее было только трое прохожих: ребенок, мужчина и женщина. Эти трое прохожих, шедшие один от другого на некотором расстоянии, очевидно, не имели между собою ничего общего. Ребенок лет восьми остановился и смотрел на снег с любопытством. Мужчина шел сзади женщины, шагах во ста. Оба они шли по направлению к Святому Сампсону. Мужчина, еще молодой, казался чем-то вроде мастерового или матроса. На нем было будничное платье, куртка из толстого коричневого сукна и панталоны, запачканные дегтем. Его толстые сыромятные башмаки на больших гвоздях оставляли на снегу след, более похожий на тюремный замок, чем на человеческую ногу. Женщина была в праздничном наряде, в широком черном шелковом салопе на вате, из-под которого виднелось очень кокетливое платье из белого ирландского поплина с розовыми полосами, и, если б на

ней не было красных чулок, ее можно было бы признать за парижанку. Она шла живо и развязно, и в ее походке сказывалась молоденькая девушка. В ней была скоропреходящая грация движений, характеризующая самый нежный из переходных возрастов – юность. Мужчина не замечал ее.

Вдруг возле группы зеленых дубов, на месте, называемом Низенькие Домики, девушка оглянулась, и это движение заставило мужчину посмотреть на нее. Она остановилась, как будто поглядела на него с минуту, потом нагнулась, и мужчине показалось, что она писала что-то пальцем на снегу. Затем девушка выпрямилась и, удвоив шаги, пошла своею дорогою, но, пройдя несколько шагов, оглянулась, рассмеялась и скрылась влево от дороги на тропинке, обставленной плетнем и ведущей к Плющевому замку. Когда девушка оглянулась, мужчина узнал в ней Дерюшетту.

Он не почувствовал никакого желания догнать ее и даже не думал о ней, но взгляд его машинально упал на место, где останавливалась молодая девушка. Там виднелись следы двух ее ножек и рядом с ними начертанное ею на снегу: «Жилльят».

Слово это было его именем.

Его звали Жилльят.

II

Жилльят жил в Сампсониевском приходе. Его не любили там. Да, пожалуй, с точки зрения иных людей, и было за что.

Во-первых, он жил в доме «с привидениями». Случается иногда на Джерсее или Гернсее, что в деревне, даже в городе, в каком-нибудь захолустье или даже на людной улице, вы встретите дом с заколоченным входом; остролистник загораживает дверь; какие-то безобразные пластыри из досок лепятся на окнах нижнего этажа; окна верхних этажей в одно и то же время закрыты и открыты; все рамы заперты, но все стекла перебиты. Если есть двор, он порос травой; если есть сад – он заглох крапивой, терновником и кишит насекомыми. Трубы порастрескались, крыши обрушились; внутри комнат, что только можно видеть, все сильно попорчено, дерево сгнило, камень заплеснел. Толщина паутинок, наполненных мухами, свидетельствует о невозмутимом спокойствии пауков. Иногда виднеется разбитый горшок на полках. Это дом «с привидениями». На Гернсее верят, что в таких домах по ночам бродит нечистый.

Дом может сделаться трупом, как человек. Стоит только, чтобы его убило суеверие. Тогда он становится страшным. Такие дома не редкость на островах Ламанша.

Деревенские и приморские жители суеверны и беспокойны в отношении «нечистого». Ламаншцы, поселенцы английского архипелага и французского побережья, так много занимают этим «нечистым», что имеют об нем очень точные сведения. У нечистого есть послы по всей земле. Известно, что Бельфегор – посол ада во Франции, Хутгин – в Италии, Белиаль – в Турции, Фамуз – в Испании, Мартинет – в Швейцарии и Маммон – в Англии. Сатана – Цезарь. Двор у него в полном составе: Дагон – главный хлебодар, Суккор Беноф – начальник евнухов, Асмодей – банкир, Кобаль – директор театра, Верделе – обер-церемониймейстер, Ниббас – шут. Вьерус – человек ученый, отличный стриголог и известный демонолог, называет Ниббаса великим пародистом.

Нормандским рыбакам Ламанша нужно быть очень осторожными в море из-за дьявольских козней. Долго думали, что св. Маклу живет на большом квадратном утесе Ортак, стоящем по самой середине между Орины и Каске, и множество старых рыбаков утверждали, что видели его часто издали сидящим и читающим книгу. Еще не так давно было много охотников всему этому верить, и мимоезжие матросы усердно кланялись перед Ортакским утесом; но прошла молва, что на Ортакском утесе живет не святой, а дьявол – и что он-то именно, дьявол-то этот, по прозвищу Иохм, ухитрился слыть в течение нескольких веков святым Маклу; добродушные люди верят и этому.

Дом, в котором жил Жилльят, был прежде с привидениями, но в последнее время здесь вовсе никто не видал их. Впрочем, это тем хуже было для Жилльята и его матери. На Гернсее уверены, что когда в доме поселится колдун, дьявол считает дом в хороших руках и навещает колдуна только по приглашению, как доктор.

Дом называли Бю-де-ла-Рю. Он помещался на оконечности мыса или, правильнее сказать, на оконечности скалы, образовавшей отдельное якорное местечко в бухте Хуме Парадиза. Вода там очень глубока. Дом стоял совсем особняком на оконечности, почти вне острова; земли около него было только что для одного садика. Приливы иногда затопляли сад. Между Сампсониевским портом и бухтой Хуме Парадиза есть большой холм, на котором высится груда башен и плюща, называемая замком Валля или Архангела, так что из Сампсона не было видно Бю-де-ла-Рю.

Колдун на Гернсее вовсе не редкость. Напротив, здесь колдуны еще до сих пор занимаются своим промыслом, и девятнадцатый век им нисколько не мешает. А делом они занимаются в самом деле преступным. Кипятят золото. Собирают травы по ночам. Не прочь при случае сглазить чужую скотину. Они – люди опасные, и их боятся. Один из них недавно заколдовал

булочника и с печкой. Другой самым тщательным образом запечатывал пустые конверты. У иного в доме, на полке, видели три бутылки с буквой В. Эти чудовищные факты всем известны. Есть колдуны обязательные: за две, за три гинеи они готовы взять на себя все ваши болезни. Они тогда катаются по постели и кричат. А вы говорите: «Странно, у меня все прошло». Другие излечивают вас от всех болезней обвязыванием платка вокруг тела. Средство такое простое, что удивляешься, как оно еще никому не пришло в голову. В прошлом столетии королевский Гернсейский суд клал этих колдунов на кучи хвороста и сжигал живьем. В наше время, когда нравы несравненно мягче, а законы милосерднее, гернсейских колдунов присуждают на два месяца к тюремному заключению.

Последнее сожжение колдунов на Гернсее было в 1747 году. Город отвел для этого одну из своих площадей, перекресток Дю-Бордаж. На Дю-Бордаже от 1565 до 1700 года было сожжено одиннадцать колдунов. Преступники в большей части случаев сознавались. Им помогали сознаваться посредством пытки. Мучения пыток заставляли мучеников говорить на себя все то, что от них безжалостно добивались мучители.

III

Возвратимся к Жилльяту.

Рассказывали на острове, что около конца революции поселилась на Гернсее женщина с маленьким ребенком. Она была англичанка, если не француженка. У нее было какое-то имя, из которого гернсейское произношение и крестьянское правописание сделали Жилльят. Она жила одна с ребенком, который приходился ей, кто говорил племянником, кто – сыном, кто – внуком, а кто – ровно ничем. У нее было немного денег, ровно столько денег, сколько нужно, чтобы жить бедно. Она купила участок луговой земли в Сержантэ и кусочек пашни возле Рокень. Дом Бю-де-ла-Рю в то время, по мнению гернсейских суеверов, был битком набит привидениями. За это в нем уже лет тридцать никто и не жил. Он стал совсем развалиной. В саду, беспрестанно заливаемом морем, ничего не росло. Кроме шума и света, которые видели и слышали по ночам в этом доме, особенно страшно было то, что, если оставить там с вечера на камине моток шерсти, спицы и полную тарелку супа, на другой день суп оказывался съеденным, тарелка пустой, а вместо шерсти лежала пара связанных чулок. Конечно, половина этих рассказов была очевидная ложь, а другая могла иметь весьма естественные объяснения; но кому же до этого дело, когда дело с неестественными объяснениями гораздо занимательнее? Развалину и с дьяволом в придачу продавали за несколько фунтов стерлингов. Женщина эта купила ее. Она купила ее потому, что Бю-де-ла-Рю никто не хотел покупать и дом продавался за бесценок; но на суеверном Гернсее, конечно, нашлась бездна охотников утверждать, что покупка уединенного дома сделана приезжею женщиною, очевидно, по наущению дьявола.

Она не только купила его, но и поселилась в нем сама, с ребенком; и с той поры дом утих. «В нем теперь есть все, что ему было нужно», – сказали люди. Привидений как не бывало. Не стало слышно и криков на рассвете. Не стало видно и света, кроме сальной свечи, зажигаемой женщиной по вечерам. «Колдунья свечка стоит дьявольского факела», – сказали на Гернсее, и владелица домика Бю-де-ла-Рю с той поры прозвана колдуньей. Публика удовлетворилась.

Женщина жила своим участком земли, и у нее была славная корова, дававшая молоко, из которого выходило ароматное желтое масло. Она сеяла и собирала разные травы и корни и картофель по прозванию *Золотые капли*. Она продавала, как все другие, пастернак бочками, лук сотнями, бобы мерами. Она не ходила на рынок, а продавала все через Гильберта Фалльо прихожанам Святого Сампсона. В записной книжке Фалльо значится, что он сбывал ей до двенадцати четвериков патат (бермудского картофеля).

Дом был подправлен его новой владелицею ровно настолько, чтобы в нем можно было жить. Крыша текла только в самые сильные дожди. Он состоял из одного этажа и чердака. Этаж был разделен на три комнаты; в двух спали, в одной ели. На чердак взбирались по лестнице. Женщина готовила кушанье и учила ребенка грамоте. Ее считали француженкой, и, по всей вероятности, она и была француженка. Но откуда она пришла и что привело ее на эту суровую скалу, – это здесь неизвестно.

Может быть, и ее привело на Гернсей то самое, что закинуло туда человека, написавшего этот роман, – *изгнание*.

Женщина старелась, ребенок рос. Они жили одиноко. Их избегали, да им и самим никого не было нужно. Волчица с волчонком не соскучится. Так отзывались об них благосклонные соседи. Ребенок сделался юношей. Юноша стал мужчиной, и тогда, так как старая кора жизни должна всегда отпадать, мать умерла. Она оставила ему луг в Сержантэ, пашню близ Рокень и дом Бю-де-ла-Рю, потом, гласит официальный инвентарь: сто золотых гиней в чулке. В доме было два сундука, две кровати, шесть стульев и стол, со всей домашней утварью. На полке было несколько книг, а в углу сундук под замком, который нужно было открыть для составления инвентаря. Сундук был обит кожей с арабесками из медных гвоздей и оловянных звезд, и

в нем оказалось новое, полное женское приданое, из превосходного дюнкирхенского полотна, рубашки и юбки, шелковые материи в кусках и поверх всего записка рукой покойницы: *«Твоей жене, когда ты женишься»*.

Эта смерть была тяжелым ударом для юноши, который схоронил женщину. Он одичал, стал резче, суровее. Он очутился в совершенной пустоте. До тех пор было только уединение, теперь сделалась пустота. Жизнь вдвоем возможна. Одному нет сил влачить ее.

Но Жилльят был молод, а в этом возрасте изъяны сердца скоро восстанавливаются. Печаль его понемногу стушеввалась, примешалась к природе, придала ей прелесть особого рода, привлекала его к предметам, отодвинула от людей и еще больше сроднила эту душу с уединением.

IV

Мы говорили, что Жилльята не любили в приходе. Ничего не могло быть естественнее этой антипатии. Причин не занимать-стать. Народ не любит загадочных людей. Затем он одевался как работник, тогда как у него было чем жить, ничего не делая. Затем сад, который ему удалось обработать и засеять картофелем, несмотря на капризы равноденствия. Затем толстые книги у него на полке.

Еще другие причины.

Отчего он жил один? Бю-де-ла-Рю был чем-то вроде лазарета; Жилльята держали в карантине; немудрено поэтому, что удивлялись его отчуждению и обвиняли его в одиночестве, которым сами его окружили.

Он часто выходил из дому по ночам. Разговаривал с знахарями. Раз видели, что он сидел в траве и чему-то удивлялся. Он часто хаживал к Анкрессу и к волшебным камням, рассеянными по окрестности. Почти наверное видели, что он вежливо кланялся Поющей скале. Он покупал всех птиц, которых ему приносили, и выпускал их на волю. Он был учтив со всеми встречными на Сампсониевских улицах, но охотно сворачивал в сторону, чтобы миновать улицу. Он часто ходил ловить рыбу и всегда возвращался с уловом. Он работал по воскресеньям в саду, тогда как это по местным понятиям ужасный грех. У него была волынка, которую он купил у шотландских солдат, проходивших через Гернсей, и он играл в скалах, на берегу моря, по вечерам. Он иногда точно сеял что-нибудь. Ну как тут быть с таким человеком?

Никто не поручился бы в том, что Жилльят не составлял чар, волшебных напитков и разных зелий. У него видели стеклянки.

Зачем он ходил по вечерам, и иногда до полуночи, по утесам? Очевидно, для того, чтобы разговаривать с недобрыми людьми, которые бродят в ночном тумане по морскому берегу.

Он раз помог тортевальской колдунье вытащить тележку из грязи, старушке Мутоннь Гаи.

Когда по острову шла перепись, на вопрос о его звании он отвечал: *Рыбак, когда есть рыба*. Войдите в положение людей, кому такие ответы понравятся?

Раз одна девушка сказала Жилльяту: «Когда же вы женитесь?» Он отвечал: «*Я женюсь тогда, когда Поющая скала найдет себе мужа*».

Эта Поющая скала была огромным камнем, стоявшим совершенно прямо на площадке, близ Лемезюрье де-Фри. Камень этот был очень подозрителен. Зачем он там стоял? На нем раздается иногда пение невидимого петуха, что крайне неприятно.

Жилльят, не без серьезных причин, слыл колдуном. В бурю, ночью, когда раз Жилльят был один в море, неподалеку от Соммельезы, слышали, как он спрашивал:

– Можно пройти?

А сверху скал крикнул ему голос:

– Ладно! Ступай смелей!

С кем он говорил, если не с тем, кто ему отвечал? Кажется, против этого и спорить невозможно.

Другим бурным вечером, таким бурным и темным, что ни зги не было видно, возле самого Капчио-Рок – двойного ряда утесов, на которых по пятницам пляшут колдуньи и козы, как будто раздавался голос Жилльята, участвовавший в следующем страшном разговоре:

– Как поживает Везен Бровар? (Каменщик, упавший с крыши.)

– Выздоровливает.

– Ведь он упал выше, чем с этого столба. Удивительно, что ничего себе не сломал.

– Славная погода стояла прошлой недель.

– Лучше, чем сегодня.

- Не много же будет рыбы на рынке.
- Как поживает Катерина?
- Отлично.

Жилльят, по всей вероятности, вышел на «ночное дело». По крайней мере, никто не сомневался в этом.

Иногда видели, что он лил из кружки воду на землю. А если воду плескать на землю, она образует изображение дьяволов.

На Сен-Сампсоньевской дороге есть три камня, лежащие лестницей.

Люди очень сведущие и набожные утверждали, что около этих камней Жилльят разговаривал с жабой. Но на Гернсее нет жаб; на Гернсее всевозможные змеи, а на Джерсее – жабы. Эта жаба, должно быть, приплыла с Джерсея, чтобы поговорить с Жилльятом. Разговор был дружеский.

Эти факты считались несомненными; и доказательством может послужить то, что три камня все еще там. Сомневающиеся люди могут сходить и посмотреть их. Конечно, может быть, все это еще ничего не доказывает; но кто хочет верить, тот во всем видит желаемые доказательства. Все это вредило Жилльяту.

На Гернсее все знают, что величайшая напасть морей Ла-манша – царь Окриньеров. Кто его увидит, непременно потонет между двумя Михайловыми днями. Ему известны имена всех утопленников и даже места, где они лежат. Он отлично знает подводное кладбище. Голова книзу шире, кверху уже, коренастое, безобразное, липкое туловище, узловатые наросты на черепе, коротенькие ноги, длинные руки, плавательные перья вместо ног, когти вместо рук, широкое, зеленое лицо, – таков этот царь. Когти у него перепончатые, плавательные перья с ногтями. Представьте себе что-то вроде чудовищной рыбы с человеческой головой. Очень непрезентабельно! На Гернсее знают также, что, чтобы отбояриться от этого чудовища, его нужно поймать или заморозить. Он ужасен. Вид его вселяет тревогу. Над волнами и валами, из-за густого тумана, виднеются какие-то очертания, низенький лоб, курносый нос, плоские уши, необъятный рот без зубов, брови как стропила и большие глаза. Он красен, когда молния синя, и бледен, когда молния вспыхивает пурпуром. У него струящаяся остроконечная борода, резко выдающаяся на перепонке, вроде епанчи, украшенной четырнадцатью раковинами, семью спереди и семью сзади. Раковины эти необыкновенны, по отзыву знатоков раковин. Царь Окриньеров показывается только в бурном море. Он злой шут бури. Когда он появляется над водою, то очертания его вырисовываются в тумане, в шквалах, в дожде. Чешуйчатая оболочка покрывает ему бока, как жилет. Он стоит над волнами, вздымающимися под напором ветра и крутящимися, как стружки из-под рубанка плотника. Царь Окриньеров почти весь выставляется из пены, и, если есть на горизонте погибающие корабли, он начинает плясать; лицо освещено отблеском неопределенной улыбки, глаза ужасные, безумные. Недобрая это встреча. В то время, когда Жилльят был одною из забот Сен-Сампсона, последние личности, видевшие царя Окриньеров, уверяли, что у него на епанче было всего тринадцать раковин. Тринадцать; стало быть, еще опаснее. Но куда же далась четырнадцатая? Уж не отдал ли он ее кому-нибудь? И кому бы он мог ее отдать? Никто не мог сказать ничего положительного, и все ограничивались предположениями. Но г. Лупен-Мобье, из Годен, особа значительная, готов был утверждать под присягой, что видел однажды в руках Жилльята очень странную раковину.

Не редкость был подобный разговор между крестьянами:

- Ведь славный у меня бык, соседусшко?
- Жирен маленько.
- Это правда.
- В нем больше сала, чем мяса.
- Уж не сглазил ли его Жилльят?

Жилльят останавливался на окраинах полей возле пахарей и на окраинах садов возле садовников и говорил иногда им таинственные слова:

– Когда цветет чертова узда, косите озимь.

(В скобках: чертова узда – скабиоза, грудная трава.)

– Ясень распускается, не будет больше морозить.

– Летнее солнцестояние – чертополох в цвету.

– Июнь без дождя, хлеб будет бел. Бойтесь ржавчины.

– Черешня зреет – остерегайтесь полнолуния.

– Если погода на шестой день месяца будет такая же, как на четвертый или как на пятый, она останется такою на весь месяц, в первом случае из двенадцати раз девять и во втором случае из двенадцати раз одиннадцать.

– Берегитесь соседей в тяжбе с вами. Бойтесь хитрости. Напойте свинью горячим молоком, она околет. Натрите корове зубы пореем, она перестанет есть.

– Корюшка мечет икру – берегитесь лихорадок.

– Лягушки показываются, сейте дыни.

– Печеночник цветет, сейте ячмень.

– Липа цветет, косите луга.

– Илем цветет, закрывайте теплицы.

И – ужасная вещь – все его советы приносили пользу. Ночью, в июле, когда он играл на волынке около Деми де Фонтенелля, не удавалась ловля макрелей.

Раз вечером, во время отлива, на песчаной отмели, прямо против дома его Бю-де-ла-Рю, опрокинулась телега, нагруженная водорослями. Он, вероятно, боялся, чтобы его не потянули к суду, потому что усердно помогал поднимать телегу и сам ее снова нагрузил.

Говорили, что Жилльят заглядывает в колодцы, а это опасно, если взгляд не хорош; и оказалось в один прекрасный день, что в Аркулоне вода в колодце испортилась. Женщина, которой принадлежал колодезь, сказала Жилльяту: «Посмотрите-ка на эту воду». И показала ему ее в полном стакане. Жилльят сознался, что вода в самом деле не хороша. Женщина отвечала: «Исправьте мне ее». Жилльят принялся расспрашивать: есть ли у нее хлев? – есть ли в хлеве сток? – не проходит ли сточная труба возле колодца? Женщина отвечала да. Жилльят вошел в хлев, переделал сток, отвел трубу в сторону – и вода в колодце опять стала хороша. Конечно, все это было как нельзя более естественно и просто, но в деревне об этом думали, и Бог весть что. Стоит только дать над собою волю подозрительности, и легко станет увидеть самого себя и несправедливым, и глупым. То и случилось с рассуждавшими о колодце, в котором Жилльят исправил воду. Колодезь не может быть хорошим и нехорошим без всякой причины; нашли болезнь этого колодца неестественной, и трудно было в самом деле не поверить, что Жилльят пустил на эту воду заговор.

Раз, когда он был на Джерсее, заметили, что он остановился близ Сен-Климента, в улице Бродяг. А ведь Бродяги – это привидения.

В деревне наводят справки о человеке, сближают эти справки, и совокупность их составляет репутацию.

Подметили как-то, что у Жилльята шла носом кровь. Это очень важный признак. Один из барочников, человек бывалый, объехавший почти весь свет, утверждал, что у тунгузов у всех колдунов течет из носу кровь. Уж известно, что значит, когда у человека идет носом кровь. Однако люди благоразумные заметили, что то, что характеризует тунгузских колдунов, не может в такой же степени относиться к колдунам гернсейским.

В окрестностях Святого Михаила видели, как он остановился на поле, окаймляющем большую Видеклинскую дорогу. Он свистнул, и минуту спустя прилетел ворон, а еще минуту спустя прилетела ворона. Факт подтверждал весьма значительный человек.

В Хамеле были старухи, которые наверное слышали, как раз утром, на заре, ласточки выкликали Жилльята.

Прибавьте к этому, что все были очень ясно убеждены, что Жилльят не добр.

Крестьянин бил осла. Осел ни с места. Крестьянин хватил его деревянным башмаком в живот, и осел упал. Жилльят подбежал поднять осла, осел оказался мертвым. Жилльят приколотил бедного крестьянина.

В другой раз, увидев, что мальчик спускался с дерева с гнездышком только что вылупившихся птичек, почти без перьев и совершенно голых, Жилльят отнял гнездышко у мальчика и довел злость до того, что отнес это гнездышко назад и утвердил его на его прежнем месте на дереве.

Прохожие стали корить его, он только указал на самку и самца, кричавших над деревом и возвращавшихся к своим птенцам. Он имел слабость к птицам. По этому признаку всегда узнают колдунов.

Дети ужасно любят разорять гнезда ласточек и морских чаек в скалах. Они приносят оттуда множество синих, желтых и зеленых яиц и делают из них украшения над камином. Так как прибрежные скалы круты, у них иногда скользят ноги, они падают и убиваются. Ничего не может быть красивее ширм, украшенных яичными скорлупками морских птиц. Жилльят помешал и этому. Он взбирался, рискуя собственной жизнью, на утесы, прицеплял к ним кусочки сена с разными пугалами, чтобы не давать птицам гнездиться там, и тем лишал детей удовольствия отнимать у них яйца. Вот отчего Жилльята почти что ненавидели.

V

Общественное мнение не совсем установилось насчет Жилльята.

Большинство считало его Марку, некоторые доходили до того, что называли его Камбионом. Камбион – отродье дьявола.

У Марку где-нибудь на теле непременно должен быть знак, похожий на лилию.

Марку от природы имеют дар вылечивать золотуху.

На островах Ламанша водятся золотушные, вот почему Марку необходимы.

Несколько личностей видели, как однажды Жилльят купался в море, и заметили у него на теле лилию. Его спросили, он только рассмеялся в ответ. Потому что и он тоже иногда смеялся, как другие люди. С тех пор никто не видел его купающимся; он стал купаться в уединенных, опасных местах. Вероятно, по ночам, при лунном свете. Нельзя не сознаться, что это подозрительно.

Считать его Камбионом, то есть сыном дьявола, было, конечно, такая же нелепость, как и считать его колдуном и Марку.

К Жилльяту обращались за советами потому именно, что побаивались его. Крестьяне приходили со страхом говорить ему о своих болезнях. В страхе таком всегда есть доля доверия; и в деревне, чем подозрительнее доктор, тем вернее лекарство. У Жилльята было много снадобий, оставленных ему умершей старушкой; он давал их всем приходившим и не брал денег. Он лечил ногтеду прикладыванием трав; ликер из одной сткляночки прерывал лихорадку; сампсоньевский химик – то, что во Франции зовут аптекарем, – думал, что, вероятно, это хинный доктор. Самые ярые недоброжелатели охотно сознавались, что Жилльят был довольно добр к больным, когда дело шло о простых лекарствах; но, как Марку, он не хотел ничего слышать, когда золотушные приходили просить позволить им прикоснуться к его лилии: он, вместо ответа, захлопывал им дверь перед самым носом; он упорно отказывался делать чудеса, что даже смешно в колдуне. Не будьте колдуном, а уж раз что вы колдун, так делайте свое дело.

В общей антипатии было одно или два исключения. Ландуа, из Кло-Ландеса, – он был церковным писарем в приходе Святого Петра, – отправился однажды утром купаться в море и чуть не утонул. Жилльят бросился в воду, тоже чуть не утонул и спас Ландуа. С этой поры Ландуа не говорил ничего худого о Жилльяте. Тем, которые удивлялись этому, он отвечал: «С какой стати я буду злословить человека, который ничего дурного мне не сделал и спас мне жизнь?» Писец даже сдружился с Жилльятом. Он был человек без предрассудков. Не верил в колдунов. Смеялся над людьми, боявшимися привидений. У него была лодка, он ловил рыбу в часы досуга и никогда не видал ничего необыкновенного. Только раз ему померещилось, что над водой в лунном свете прыгает какая-то женщина, да и в этом он был не вполне уверен. Мутоннь Гаи, тортевальская колдунья, дала ему маленький мешочек, который подвязывается под галстук и предохраняет от духов; он смеялся над этим мешочком и не полюбостовал даже взглянуть, что в нем лежало; однако он носил его, чувствуя себя как-то спокойнее с этой штучкой на шее.

Несколько смелых личностей рискнули, вслед за Ландуа, признать в Жилльяте некоторые достоинства, некоторые обстоятельства, уменьшавшие виновность его: воздержание от джина и табака. Иногда даже говорили про него, что он *не пьет, не курит, не жует и не нюхает табак*.

Но воздержание принимается во внимание только при других достоинствах.

К Жилльяту же питали глубокое отвращение.

А между тем он бы мог быть полезен, как Марку. В одну из страстных пятниц, в полночь, в приличный день и час для таких врачеваний, все золотушные с острова, по вдохновению или

вследствие стачки, пришли толпой к Бю-де-ла-Рю, умоляя Жилльята излечить их от страшных язв. Он отказал. Да не злой ли он в самом деле человек после этого?

VI

Таков был Жилльят.

Наружность Жилльята находили безобразною; но на самом деле он не был безобразен. Он был даже красив. В профиль у него было что-то напоминающее древних варваров. Когда он стоял спокойно, он был похож на дака Траянской колонны. Уши у него были маленькие, изящные, не мясистые и удивительной акустической формы. Между глаз у него была вертикальная морщина людей гордых и предприимчивых. Края рта его падали вниз с выражением горечи; лоб был высокий и чистый; смелый зрачок смотрел прямо и честно; его только портило немножко миганье, которым страдают все рыболовы вследствие отражения волн. Смех у него был ребяческий, симпатичный. Зубы белы, как самая чистая слоновая кость. Но загар сделал его почти негром. Столкновения с океаном и с бурями не обходятся даром; в тридцать лет он казался сорока пяти. На нем легла суровая печать ветра и моря.

Его прозывали лукавым Жилльятот.

При обыкновенном росте и обыкновенной силе он изловчался поднимать гигантские тяжести и исполнять работы, только что под стать атлету.

В нем было много гимнастического навыка; он одинаково хорошо владел и левой, и правой рукою.

Он на охоту не ходил, но любил удить рыбу и отлично плавал.

Уединение образует или идиотов, или людей талантливых. В Жилльяте было и того, и другого понемногу. Иногда у него был удивленный вид, как мы уже говорили, и он становился похожим на животное. Иногда, напротив, у него был какой-то глубокий взгляд.

В сущности, разумеется, все таинственное, что об нем рассказывали, был вздор, он был человек простой и только грамотный.

Взбираясь на скалы и утесы, расхаживая по островам во всякую пору, плавая по морю в чем ни попало, пускаясь днем и ночью в самые опасные проходы, Жилльят сделался удивительным моряком, не из выгоды для себя, а по любви к морю, для собственного удовольствия.

Жилльят родился лоцманом. Настоящий лоцман знает дно морское как свои пять пальцев. Глядя, как Жилльят пробирался между мелями и подводными камнями Нормандского архипелага, можно было бы подумать, что у него под черепом карта дна морского. Он все знал и ничего не боялся. Он знал вежи лучше бакланов, садящихся на них. Незаметная разница между четырьмя вежами Кре, Аллиганда, Треми и Сардретты была совершенно ясна для него, даже в туманы. Он без всякого колебания распознавал и Анарский шест с овальным набалдашником, и трехконечное копье Русс, и белый шар Корбетты, и черный шар Лонг-Пьерра, и нечего было бояться, что он смешает крест Гурбо со шпагой, воткнутой в землю Платты, или молоток Барбе с ласточьим хвостиком Мулине.

Его редкие морские познания особенно обнаружились, когда на Гернсее была однажды гонка судов, называемая там регатой. Задача состояла в том, чтобы одному провести четырехпарусное судно из Сен-Сампсона на остров Херм, который отстоит оттуда на одно лье, и возвратиться на том же судне из Херма на Сен-Сампсон. Любой рыбак справится один с четырехпарусным судном, и задача показалась легкой; но вот что ее усложняло: во-первых, самое судно. Это была одна из тяжелых, широких, брюхастых, старинных лодок, по роттердамской моде, которые моряки прошлого века называли голландскими пузанами. В море еще встречаются иногда такие старинные голландские суда, плоские и раздутые, с двумя крыльями на бакборде и штирборде, которые опускаются поочередно, судя по ветру, и заменяют киль. Во-вторых, возвращение с Херма, возвращение, усложненное тяжелым ластом камней. Туда надобно было идти налегке, а назад возвратиться с грузом. Призом состязания было самое судно. Решено было, что кто сделает такую поездку, то тому будет дано самое судно, – этот «Пузан», на кото-

ром он докажет свое мореходное искусство. Судно это принадлежало лоцману. Он его оснастил и ходил на нем лет двадцать. Лоцман был самым дюжим моряком Ламанша; после смерти его никого не нашлось, кто бы совладал с «Пузаном», и тогда его решились сделать призом регаты. «Пузан», хотя был без палубы, но имел кое-какие достоинства и мог бы прельстить любого морехода. Мачта у него была спереди, что увеличивало парусную силу судна. Другим преимуществом было то, что мачта вовсе не мешала нагрузке. Кузов был солидный, тяжелый, но просторный и устойчивый в море. Приз был хороший, – достойный трудной задачи.

На состязание явились семь или восемь самых лучших рыбаков с острова: всем хотелось добыть себе «Пузана». Пробовали поочередно; ни один не мог доехать до Херма. Последний из состязателей славился тем, что в бурную пору переезжал на веслах грозное пространство моря между Серком и Брек-Ху. Он повернул «Пузана» с половины пути и сказал: невозможно. Тогда вступил на барку Жилльят, схватил весла и пустился в открытое море. Через три четверти часа он был в Херме. Три часа спустя «Пузан» возвратился в Сен-Сампсон с грузом камней, несмотря на то, что поднялся сильный ветер с юга и перерезывал рейд поперек. Для пушей важности Жилльят прибавил еще к грузу маленькую бронзовую пушку.

Пушка была совершенно лишним грузом на барке, точно так же, как южный ветер, дувший некстати в паруса. Но, несмотря на то, Жилльят привез или, правильнее, принес «Пузана» в Сен-Сампсон.

Месс Летьерри воскликнул: «Вот так матрос!»

И протянул Жилльяту руку.

Мы еще будем говорить о месс Летьерри.

«Пузана» присудили отдать Жилльяту.

Это происшествие не повредило его прозвищу *Лукавого*.

Нашлись люди, которые объявили, что во всем этом нет ничего удивительного, так как Жилльят спрятал в лодке ирговую ветку, а это тоже волшебство. Но никто не мог доказать ни того, что ирговая ветка заключает в себе нечто волшебное, ни того, что даже ирговая ветка была с Жилльятом на «Пузана». Однако это не мешало никому верить, что ветка была и что она очень много значит.

С этих пор Жилльят не знал никакой другой лодки, кроме «Пузана». В нем он ездил и на рыбную ловлю. Он привязывал его под самой стеной дома своего. Как только наступала ночь, он закидывал невод на спину, проходил через сад, перелезал через каменную ограду, карабкался с одной скалы на другую и прыгал на барку. А там в море.

Он удил много рыбы: вероятно, оттого, что он всегда брал с собой ирговую ветку. Никто никогда не видывал этой ветки, но все верили.

Излишек наловленной рыбы он не продавал, а отдавал даром.

Бедные брали рыбу, но сердились на него из-за этой ирговой ветки. Это не хорошо – море не следует обманывать.

Он был рыбаком, но это еще не все. Он инстинктивно и для рассеяния научился трем или четырем ремеслам. Он был столяром, кузнецом, каретником, конопатчиком и даже немножко механиком. Никто не умел так починить колесо, как Жилльят. Он сам приготавливал все рыболовные снаряды. В одном из закоулков Бю-де-ла-Рю у него была маленькая кузница и наковальня, и, так как у «Пузана» был только один якорь, он сам сковал ему еще и другой. И сковал отличный якорь. Жилльят своим умом нашел, какие именно размеры должен иметь якорный шток, чтобы якорь не опрокидывался.

Он тщетно заменил все гвозди в «Пузана» нагелями, чтобы оградить его от ржавчины.

Таким образом он значительно увеличил морские достоинства своей барки. Он ходил на ней время от времени, на месяц или на два, на какие-нибудь уединенные островки, как Чусей или Каске. Тогда говорили: «Ага! Жилльята дома нет». Что именно должно было выражать это

«ага!» — это с достоверностью неизвестно, потому что никому от этого не было ни жарко ни холодно оттого, дома ли Жилльят или не дома; но уж так говорилось: «Ага! вот уж его и нет!»

VII

Жилльят был мечтатель. Этим объяснялась его смелость, его застенчивость и робость. У него было много своеобразных идей.

Он, например, немножко странно смотрел на природу.

Ему случалось несколько раз находить в совершенно прозрачной морской воде довольно больших животных различных форм из породы медуз, которые, вне воды, походили на мягкий хрусталь, а в воде смешивались, сливались со своею средою, по тождеству прозрачности и цвета, до того, что исчезали в ней. Он вывел из этого заключение, что если невидимые, прозрачные существа живут в воде, то другие прозрачные же и живые существа так же просто могут быть и в воздухе. Что может доказать, что их нет там? По аналогии, в воздухе должны быть такие же рыбы, как в воде; воздушные рыбы прозрачны, – благоденствие творческой предусмотрительности для нас и для них; воздух пронизывает их насквозь, у них нет тени, мы не видим их и не можем схватить. Жилльят воображал, что, если б можно было поудить в воздухе, как в пруде, нашлось бы множество удивительных существ. «И, – прибавлял он себе, – тогда людям очень многое бы и объяснилось».

Жилльят разнообразил часы досуга странными мечтами. Он даже занимался наблюдением сна. Сон – возможное, хотя иногда называют его невероятным. Сонное царство – целый особый мир. Материальный человеческий организм, на котором тяготеет атмосферический столб в пятнадцать лье высоты, – устает к вечеру, изнемогает от усталости, ложится, отдыхает; телесные глаза смыкаются; тогда в этой сонной голове открываются другие глаза; появляется неизвестное. Темные стороны неведомого мира приближаются к человеку, входят с ним в настоящее соприкосновение, или отдаленные предметы принимают небывалые, громадные размеры; незримые обитатели пространства подходят к нам, глядят с любопытством на нас, обитателей земли. Прозрачный, призрачный люд поднимается или спускается к нам и витает с нами во мраке; перед нами возникает какая-то иная жизнь, составленная из нас самих и из чего-то другого; и спящий полусознательно, полубессознательно видит странных животных, необыкновенные растения, странных и улыбающихся призраков, какие-то маски, фигуры, лунный свет без луны, какие-то туманные знамения, бездну возрастающих и уменьшающихся кругов, неясные очертания форм в темноте, – всю эту совокупность таинственности, называемую нами сном и которая в сущности не что иное, как приближение невидимой действительности. Сон – аквариум ночи.

Так думал Жилльят.

VIII

Не найти теперь никому ни дома Жилльята, ни сада его, ни бухты, где он ставил своего «Пузана». Бю-де-ла-Рю не существует больше. Маленький островок с этим домом рушился под ломом, неумоимо уничтожающим прибрежные утесы, и его перегрузили, тачку за тачкой, на суда торговцев гранитом. Он сделался набережной, церковью, дворцом в столице. Весь гребень рифов давным-давно отправился в Лондон.

Эти удлинения скал в море – настоящие горные цепи; они производят точно такое же впечатление, какое бы Кордильеры произвели на великана. Местное наречие зовет их *банками*. У банок этих различные формы. Одни похожи на спинной хребет; каждая скала точно позвонок; другие на рыбью кость; третьи на крокодила.

На оконечности банки Бю-де-ла-Рю была большая скала, которую рыбаки прозывали Рогом зверя. Скала эта, вроде пирамиды, походила на Джерсейский Пинакль, только была немножко пониже. Во время прилива море отделяло ее от банки, и Рог казался совершенно отдельным. Во время отлива к нему можно было подойти перешейком довольно доступных утесов. Скала эта была замечательна тем, что со стороны моря в ней был род кресла, выбитого волнами и полированного дождем. Это было очень красивое кресло. Оно манило к себе красотою открывающегося с него вида. В широком раздолье много привлекательности. Кресло образовало род ниши в отвесном фасаде скалы; добраться до ниши было не трудно; море набросало под нею род лестницы из плоских камней. Океан тоже не лишен предупредительности; только не доверяйтесь ему чересчур; кресло манило, вы взбирались, сажались; вам было удобно; сиденье – старый, выглаженный пеной гранит; два изгиба под локти, вместо спинки – высокая, вертикальная стена скалы; ничего нет мудреного забыться в таком кресле. Над вами скала, на которую нет никакой возможности взобраться; перед вами море; вдали ходят корабли, можно следить взглядом за парусом, пока он не скроется за округлостью океана; вы удивлялись, смотрели, наслаждались, чувствовали ласки ветерка и волны. В Кайенне есть род летучей мыши, веспертилио. Она усыпит вас в тени легким, нежным помахиванием крыльев. Ветер такая же летучая мышь, только невидимая. Когда он не безумствует и не разбойничает, он усыпляет. Вы созерцали море, вслушивались в ветер, чувствовали приближение сладкой дремоты. Когда глаза полны избытком света и красоты, большое наслаждение закрыть их. Вы закрывали их на минуту, и сладостный сон является к вашим услугам. Вдруг вы проснулись. Слишком поздно. Море мало-помалу поднялось. Вода обступила скалу.

Вы погибли.

Прилив сначала растет незаметно, потом все быстрее и быстрее. На скалах море начинает разъяряться и пениться. Много отличных пловцов погибло на Роге Бю-де-ла-Рю.

Очень древние жители Гернсея звали некогда эту нишу, вычekanенную в скале морем, – креслом Гильд-Хольм-Ур, или Кидомур. Кельтское слово, говорят, которого не понимают знающие кельтский язык и понимают только знающие язык французский. *Qui-dort-mert* – переводят крестьяне. (Кто засыпает – умирает.)

В Ориньи есть еще другое кресло в этом роде – стул Монаха, так тщательно выделанный волной и с таким удобным выступом скалы, как будто море обязательно подставляет вам скамеечку под ноги.

Во время прилива кресла Гильд-Хольм-Ур не было вовсе видно. Его совсем покрывало водой.

Кресло Гильд-Хольм-Ур было неподалеку от Бю-де-ла-Рю. Жилльят знал его и часто сживал на нем. Что он там делал? Размышлял? Нет. Мы сейчас сказали: он там мечтал. Но из того, что Жилльят жив, мы должны заключить, что он сиденьем на кресле пользовался осторожно и прилив никогда не заставлял его врасплох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.